

Телеология: философия эволюции

С.С. Лазарев

Телеология (= Инобытие) – понятие сугубо идеальное, континуальное и трансцендентальное, с которым связано осознание высших уровней системности дискретно организованной материи. Это – мистическая информационная сущность, напряженная среда, в которой пульсирует эволюция материального, а потому она находится вне сферы науки. Только в физике, науке преимущественно допроцессуальной, у телеологии есть узаконенный научный аналог – понятие «поле» как основа взаимодействия на расстоянии. Если телеология – это идеальная априорность всего материального, то сознание, как порождение последнего, может лишь апостериорно описать магистраль эволюции, в том числе – биологической. Научная теория, объясняющая высшую системность и учитывающая все факторы и связи, невозможна. Три мегаэтапа эволюции Бытия образуют общий вектор – «тезис» → «антитезис» → «синтез»: 1 – исходно идеальный фундамент, математически рационально объясняющий дофеноменальную (умопостижимую) вещественность физико-химических допроцессов; 2 – усложняющаяся синергия феноменально выраженных материальных процессов и ослабление власти числа над ними; 3 – вторичное идеальное (вторичная телеология), выплеснувшееся из недр материального (сознание) и формирующее иррациональный вектор: преодоление процессуальности и возвращение в Вечность.

Необходимость скрыта в том, что совершается,
и обнаруживается только в конце.

Г.В.Ф. Гегель

Никогда жизнь не станет мудрой, а мудрость
живой.

Г. Риккерт

Окружающий нас мир – это мир процессов, скрытых в веществе и проявленных в вещах (феноменах). Строгие законы описывают исходную, математически упорядоченную цикличность микромира и редуцированный до понятия «материальная точка» физический макромир в его количественном проявлении. Гораздо сложнее и практически «невычислима» качественно выраженная и сложная процессуальность многокомпонентных материальных форм (вещей). Каждый из нас, например, как один и тот же объект, сначала – оплодотворенная яйцеклетка, затем – зародыш, ребенок, молодой человек и т.д., но любой цикл в любом материальном объекте-процессе (и сам он) – конечен. Таков непреложный, наиболее общий и очевидный онтологический закон нашего посюстороннего мира – Бытия. Последнее можно было бы отождествить с эволюцией, но уместнее здесь использовать слово «процессуальность», ибо каждый онтогенез – это тоже процесс, но не эволюция. «Развитие» – еще одно слово этого синонимического ряда, которое предпочитает Ю.В. Чайковский [2006]

применительно к эволюции жизни, но в нем чувствуется движение только вперед. Поэтому я предпочел термин «процесс», «процессуальность» как более нейтральный, общий, а главное – касающийся не только жизни.

Эта статья – о том скрытом, недоступном пониманию (запредельном) механизме процессуальности, который проявляется не в единичных последовательностях, но в их интегральных совокупностях и особенно – в наиболее общем тренде развития от элементарных частиц до человеческого мозга, способного оценить свое место в общем потоке процессуальности и задуматься о ее общем назначении. Сходство микрокосма (человека) и макрокосма (Вселенной) есть проявление фрактальной структуры мира, выраженной количественно: наш мозг («нейрологическая вселенная») состоит из порядка 100 млрд нервных клеток, каждая из которых может быть связана с 25000 других клеток, а общее число таких связей превышает число всех атомов во Вселенной. Человек оказывается фрактальным и локальным аналогом Творца процессуальности.

Он – порождение биологической эволюции, где интенсивность необратимых процессов максимальна, что и привело в итоге к вызреванию самостоятельности вторичного идеального – активной рефлексии, не ограниченной рамками своей материальной капсулы.

В каком-то смысле процессуальность жизни была отражена еще в «лестнице существ» Аристотеля, который в другом месте обсуждал проблему причин и целей вообще. В наше время проявление неких закономерностей, как локальных целей в биологических процессах, отражено в понятиях параллелизмов и рефренов (диатропической сети). По Ю.В. Чайковскому [2006], рефрены в биологической эволюции есть следст-

вие фрактальной структуры мира, а объяснение им «не биологическое, а математическое». Ниже я попытаюсь показать, что хотя число (математика) действительно находится в основе нашего мира, но ни сущность нарастающей сложности биологических форм, ни конечная цель процессуальности не сводимы к числу. Объем статьи не позволяет втиснуть в нее все, что «накипело», но в этом есть и свое достоинство: экономное изложение уходит от суетности человеческих времен и лучше концентрирует внимание на магистрали нашего общего телеологического Времени. Учитывая палеонтологическую специфику, чуть большее внимание будет уделено биологической эволюции.

Аксиоматика (= онтология) двух миров (антимиров): Бытие и Ничто (Абсолют) Инобытие = Телеология

Наиболее общее, инвариантное и самоочевидное свойство нашего посюстороннего мира (Бытия) можно выразить одним словом «процессуальность» – понятием, смысл которого более полно раскрывается через его три ипостаси, выражающие близкие аспекты динамики: конечность, а значит – временность и относительность. Эта онтологическая триада Бытия «относительность – конечность – временность» принимается в качестве аксиомы для обсуждения любых мировоззренческих и методологических проблем [Лазарев, 2004]. Первый член триады предполагает наличие многообразия, второй – дискретности, третий – изменения, динамики (количественной или качественной).

Запредельный мир Небытия (Ничто), будучи цельным и непроцессуальным, должен характеризоваться диаметрально противоположной аксиоматикой: «абсолютное – бесконечное – вечное». Соответственно, можно говорить о высшей целостности, континуальности и неподвижности (замкнутости) абсолютного Небытия. «Триединство» здесь – лишь апофатическое (отрицательное) отражение триединства нашего посюстороннего мира, а по сути, это нечто Единое (нево-

образимое Всеединство) – запредельная гармония, непрерывность, непротиворечивость и недосыгаемый горизонт, у которого заканчиваются возможности нашего понимания. Невозможно представить, например, что в бесконечности точка, линия, круг и шар – одно и то же (Н. Кузанский, А.Ф. Лосев). Я бы добавил к этому, что в бесконечности (в вечности) секунда и миллиард лет – одно и то же.

Небытие (Абсолют), будучи бесконечным и вечным, есть запредельная идеальная Сущность, породившая материальное Бытие. Но свойства непроцессуальности, замкнутости и самодостаточности Абсолюта делают проблему порождения Бытия неразрешимой. Поэтому необходимо ввести дополнительную («промежуточную») сущность – Инобытие, которое само по себе непроцессуально, но обладает информационной потенцией процессуальности. Это – некое исходно единое и мистическое Первополе, информационная напряженность, единая Континуальность как среда появления и эволюции в ней дискретной материи; это своего рода информационный мост, перекинутый из Ничто в Бытие, или представитель Небытия в Бытии.

Число и мера – основа процессуальности и ее рациональный фундамент. Синергия – все более сложная и «невыхисляемая» форма процессуальности. Рефлексия – высшая и иррациональная сложность как окончание процессуальности

Основатель новоевропейской науки Г. Галлей полагал, что природа написана на языке математики – языке жестком и однозначном. С вы-

соты нашего времени заметим, что язык математики идеально подходит только к написанию первых, физических глав книги природы. Важно

также, что в своих экспериментах Галилей исходил из идеальных, ненаблюдаемых сущностей: предполагалось, что поверхность шаров и плоскостей, по которым они скатывались, была абсолютно гладкой. Позже И. Ньютон, устанавливая свои законы, ввел идеальное понятие «точка», которое к настоящему времени трансформировалось в абсурдно выраженное понятие «материальная точка» – фундаментальное понятие современной физики. Итак, точная наука физика оперирует идеальными, то есть запредельными (платоновскими) сущностями, максимально абстрагированными от посюсторонней реальности. Ближе к последней был подход Г. Гегеля [1977, с. 311]: «...математика природы по существу своему должна быть наукой о мерах». Здесь просматривается связь математики с началом качественно выраженной процессуальности.

Уже в рамках физики появились меры – физические константы (основные из них – гравитационная постоянная, скорость света и постоянная Планка), предопределившие направленность эволюции в сторону появления жизни и человека в ней («антропный принцип»). В сущности, и элементарные частицы – «кирпичики» здания Бытия – тоже меры. Число и мера – фундамент все более усложняющейся эволюции качеств, которая началась еще на уровне физико-химических процессов, и в рамках именно этих наук появился термин «синергетика», связанный с новым, качественно неоднородным пониманием времени. В точных науках произошло, по И. Пригожину, «переоткрытие времени», а сама

синергетика понимается как наука о сложных, нелинейных процессах, суть которых не сводится к составляющим их элементарным процессам. Синергетика это «открытие» представителями точных наук сложной (качественно неоднородной) процессуальности: совместное действие разных процессов приводит к сломам однородности результирующего процесса – к появлению «точек бифуркации» (аналогов точек апоморфий в филогенетике); линейная модель физического времени превращается в ломаную линию. Но это было запоздалым открытием начала той нарастающей сложности, которая составляет суть более зрелой процессуальности – геологической и биологической, а в итоге привела к апогею процессуальности – к ее рефлексии (точка Омега как процесс процессов).

Этот очень краткий обзор угасающей роли математики (науки внереферентной, сугубо идеальной) был необходим поскольку, во-первых, с максимальным рационализмом (с числом) связан фундамент процессуальности (создание вещественности), а во-вторых – с распространенным до сих пор непониманием того, что в нарастающей сложности процессов роль числа, хотя и остается, но все дальше отходит на второй план, так что для высшей и конечной процессуальности – рефлексии (рефлексии собственной глубины) наиболее актуальной становится чистая иррациональность (переживание Всеединства). С последней связано окончание процессуальности как достижением конечной цели – достижением полюса запредельной иррациональности – Ω_2 .

Телеология – континуальная, информационно заряженная среда эволюции дискретной материи

Реальный, посюсторонний мир, в котором мы находимся, иерархически и фрактально структурирован, но сиюминутная суэта низшего уровня, из которой трудно вырваться, затрудняет осознание высшего (умопостигаемого) уровня, о котором А. Эйнштейн говорил: «Мы имеем две реальности: вещество и поле». Он подчеркивал, что без введения в науку М. Фарадеем и Дж. Максвеллом понятия «поле» его ОТО была бы невозможной.

Вещество – это окружающая нас материя, которая дискретна на всех уровнях: от микро-до макромира. Поле – это, наоборот, сущность континуальная, не имеющая никаких четких границ; очевидно, что это есть эманация всеединого, исходного и запредельного Абсолюта (Ничто). Это не-

кая информационно напряженная среда, в которую погружена дискретная материя и под влиянием которой она эволюировала от наиболее просто устроенных «кирпичиков» – элементарных частиц – до наиболее сложно, синергично устроенного человеческого мозга. П. Тейяр де Шарден не без основания называл такую среду «божественной».

Процессуальный мир – это дискретность, эволюирующая в континуальной среде запредельного Инобытия; последнее «множится», предвывая растущее множество дискретной материи, но сама при этом остается континуальной. Иначе говоря, Инобытие – это континуальность «многообразия», которое, будучи континуальным, остается единым, а «многообразие» в нем – это неравномерность напряжения Единого.

Можно говорить о близости двух исходных триад Бытия – «относительность – конечность – временность» как онтологии Бытия вообще и «число – пространство – время» (априорная кантовская триада) как начального воплощения этой онтологии в физическую реальность, где эти идеальные сущности предваряют материальность. В этой связи интересно теоретическое открытие М.П. Бронштейном (ленинградским физиком) гравитона как кванта «взволнованного» пространства-времени, который сочетает в себе свойства волны искривленности малой амплитуды (я бы сказал – и напряженности) и элементарной частицы, летящей со скоростью света [Чернин, 1987]. Полевая континуальность может пульсационно «квантоваться» («размножаться»), производя другие поля и соответствующие им материальные дискретности.

Гравитон – это низшая (первая) форма близости континуальности и дискретности (? дискретность доматериальная), а общий смысл дальнейшей эволюции – подойти к высшей форме единства двух миров, где не континуальность – основа дискретности, а наоборот, дискретность становится основой континуальности. Человеческая мысль континуальна как результат «созревшей» за миллиарды лет дискретности, но способы ее выражения (в словах и текстах – «мысль изреченная...») – дискретны [Налимов, 1989].

Можно предположить, что гравитация есть исходно единое для Вселенной Первополе (=Инобытие) – источник всех других полей: ведь гравитация, согласно общей теории относительности Эйнштейна, это и есть пространство-время; она исходна (возникла около нулевой точки сингулярности) и универсальна (вездесуща и вечна в масштабе Вселенной), действует на

всех уровнях материи (от микро- до мегамира). Другие физические поля (напряженности) возникли чуть позже, а их действие все менее универсально. Дифференциация Первополя во времени – это тот целенаправленный вектор эволюции полевого (континуального и идеального) четырехмерия, латентная процессуальность которого называется здесь Телеологией. С этим общим понятием связано то, что в герменевтике В.В. Налимова образует синонимичный ряд понятий: Тайна, Бог, Истина, Созерцание, Воображение и, наконец, Спонтанность – творческая импульсивность, порожденная напряженностью континуального Сознания. Телеология сама по себе – исходно единая и континуальная сущность, которая не только породила дискретность материи, но и через механизм усложнения (синергию) направляла ее эволюцию в сторону появления вторично выраженных и локальных континуальностей. В творчестве человека (вторичная телеология) континуальность и дискретность трудно делимы; по Налимову, ритм в поэзии – это попытка наложить континуальность на дискретные носители речи. В наиболее «божественном» искусстве – музыке – дискретности (паузы) служат, по-видимому, усилению эмоциональной роли континуальности звуков.

У Аристотеля с понятием «телеология» связаны понятия «эйдос» (= примерно идея) и «энтелехия» – все причины вещей, то есть «активно организующий и достигающий своей цели материально осуществляемый эйдос» [Лосев, 1975]. В этой статье я пытаюсь показать, что конечная цель процессуальности – получить через «материально осуществляемый эйдос» сообщество «вторичных эйдосов» – локальных детей исходного общеединного эйдоса (Инобытия).

Телеология и понятие «Время»

Эти два понятия близки (синонимичный ряд: телеология, длительность, время, процессуальность, эволюция), но все же «телеология» – связывается с чем-то мистическим, запредельным, а «время» стало той привычной посюсторонней идеальностью, которая реализована в многообразии материи (в разнообразии процессуальности). Если же иметь в виду общемагистральный вектор процессуальности, то Время становится синонимом Телеологии.

Невольно вспоминается дискуссия О. Шиндewolfа с его оппонентами о природе двух параллельных шкал – двух аспектов времени: по сути,

геохронологическая шкала есть идеальный аспект геоисторической процессуальности, а стратиграфическая шкала – ее материально выраженный аспект.

Время, по Плотину, возникло как отпадение «Мировой Души» от исходного и самодостаточного Единства и тем самым получило деятельно-суетную природу [Гайденко, 2006]. Именно у демаркационной линии, отделившей два мира (Небытие и Бытие), Время «отпало» от Вечности; так же и пространство как нечто беспредельное, но конечное (замкнутое), «отпало» от запредельной Бесконечности; так же и число как

идея множественности и относительности «отпадо» от единого Абсолюта («выросло» из Единицы).

В современной космологии рациональным аналогом «отпадения Мировой Души» можно считать понятие «инфляция», которое соответствует тому исходно первому микромгновению при возникновении Вселенной (интервал 10^{-43} – 10^{-32} сек), когда невероятно гигантские силы отталкивания «ложного» вакуума сменились (Большой взрыв) силами привычного нам гравитационного притяжения, и тем самым было «включено» Время Вселенной [Девис, 1989].

Если физика (классическая и квантовая) имеет прямое отношение к возникновению дискретности из континуальности (возникновение материи), а другие естественные науки связаны с проблемами эволюции дискретной материи, то науки о человеке, особенно психология и то, что Тимоти Лири [2001] называет нейрологией, имеют отношение преимущественно к развитию вторичного идеального, вторичной континуальности – к вторичной телеологии и эсхатологии, то есть к разнообразию переживаемых целей, а главное – к их иерархии в человеческом сознании, индивидуальном и социальном. Эти три высших этапа эволюции Бытия отвечают высшему (магистральному) циклу его эволюции и трем основным разделам науки: 1) тезис: дофеноменальный этап эволюции, идеология которого связана с числом и мерой (точные науки – физика и химия); 2) антитезис: феноменальный этап, идеология которого связана преимущественно с процессуальным временем – с качественно выраженной иерархией (исторические по духу науки, к которым относится и вся тематика стратиграфии и палеонтологии, связанная через время, с одной стороны, с геологией, а с другой – с биологией); 3) синтез: появление вторичного идеального (сознание, рефлексия) как эпигенеза материального (науки гуманитарные), где формируются вторичные и все менее локальные цели (вторичная телеология) – три подэтапа процессуальной рефлексии. Последние выделяются на основе субъект-объектных отношений, то есть, по Г. Риккерт, на основе разного понимания мира внешних объектов: 1) внешний мир внешнего тела (все, что связано с рефлексией первых двух этапов процессуальности); 2) более широкое понимание внешнего мира, который включает в себя также и собственное тело; 3) тот внеш-

ний мир, который ограничен *содержанием* сознания своего «Я», а субъектом тогда остается лишь то, что сознает себя этим содержанием. Последнюю, высшую (глубинную) ступень рефлексии можно назвать рефлексией рефлексии, или высшей формой вторичной телеологии.

Трем мегаэтапам процессуальности – дофеноменальному, феноменальному и эпифеноменальному – отвечают три этапа (и три аспекта) единого телеологического Времени: 1) время математическое (физическое), то есть идеальный «кусочек» монотонной длительности с исходным телеологическим зарядом напряженности – наследие непроцессуальной Вечности, связанное в науке с процедурой измерения: время элементарных физических «процессов»; 2) время настоящей, качественно неоднородной процессуальности, которое материализуется во всем многообразии данной нам в ощущениях реальности (феноменальности); 3) время вторично идеальное, рефлексивное, психологическое, но привязанное к материальной «точке» – локальному центру «Я». Переживаемое в созерцании время-длительность, по А. Бергсону, имеет отношение не к рассудочному дискурсу, а к интуиции; это внутреннее время, которое протекает через субъект и независимо от него; оно имеет самое непосредственное отношение к телеологическому Времени. Здесь длительность – не монотонная пустота (1), но та Сущность, куда помещено сознание. В этом смысле слово «Длительность» в триадном названии книги П.П. Гайденко [2006] «Время. Длительность. Вечность» можно заменить словом «Телеология». Такая длительность есть переживаемое и шизофренично раздвоенное время: а) рефлексия внешнего многообразия и переживание своего эгоистического «Я» в нем, причем «Я» – это прежде всего своя материальная капсула; б) новый, противоположно направленный и сугубо человеческий вектор переживания – рефлексия своей внутренней глубины, где происходит мистическая встреча со всеединой и запредельной сущностью (Ничто), переживаниями, отредактированными в разных формах мировыми религиями. Но Бог, а точнее – Божественность, есть онтологически всеединая и запредельная (недоступная пониманию) Сущность (а не Существо!), породившая процессуальность и зовущая нас через любовь и сочувствие преодолеть относительную локальность и Время, чтобы вернуться к абсолютной Вечности.

Биологическая эволюция и Телеология

Биологическое поле – только часть той континуальности, которая проявляется локально в пространственно-временном объеме (здесь и сейчас) и, по-видимому, составляет фрактальную часть единой телеологической Сущности (Инобытие – мистический «дирижер» процессуальности). О последней и ее намерениях мы можем рационально судить лишь по результатам материально выраженной посюсторонней процессуальности; здесь вспоминается метафора Платона о тенях на стене пещеры, которые мы видим, сидя спиной к свету.

В биологии чисто идеальные сущности-причины «энтелехия» и «поле» [Дриш, 2007; Гурвич, 1991] не получили такого научного признания, как это случилось в физике. Весьма вероятно, что материальными носителями былых биологических полей в биологии являются гены, но важно отдавать себе отчет в том, что эти дискретные носители информации не предваряют эволюцию, а являются ее результатом; они – всего лишь «хвост» (след) эволюции.

В многообразии биологических процессов Телеология «прячется» за древовидно густыми моделями филогенетических реконструкций. В отличие от последних, Телеология – результирующий вектор процессуального Времени как целого, то есть просматривается лишь апостериорно с высоты высшей процессуальности. Каждый филогенез – результат взаимодействия множества континуальных полей-напряженностей по реализации материально и дискретно выраженной эволюции. Реконструкции филогенезов в биологии (палеонтологии) всегда сложны, неоднозначны и неокончательны, а потому даже среди выдающихся биологов (Л.С. Берг, А.А. Любищев, С.В. Мейен и др.) возникал соблазн отказаться от них и попытаться найти строгие, объективные, имманентные морфологические законы построения биологических систем. По сути, это означало бы редукцию априорной первотриады «число – пространство – время» до диады «число – пространство», то есть до сущности физической и допроцессуальной, где царил число и предсказуемость, а время оставалось четвертой координатой пространства. Именно поэтому рациональное понятие «номогенез» я не могу сближать с иррациональным понятием «Телеология» как мистикой активного Времени.

Биологические процессы – апогей материальной (дискретной) процессуальности Бытия. Если

физико-химические «процессы» связаны в основном с первой, материальной причиной Аристотеля – появление вещественности как фундамента формообразования, то биологические процессы создавали необозримое многообразие все более сложно выраженной феноменальности форм живого – пирамиды жизни, синергично организованной как латерально (биогеоценотические связи), так и вертикально (таксономическая иерархия как результат макроэволюции). На биологическом этапе эволюции реализуются две следующие причины (принципа) Аристотеля: специфика (многообразие) форм и их причинно последовательное происхождение (сейчас – филогенезы). Синергия биологических процессов включает в свою орбиту и геохимическую составляющую, чему особое внимание уделял В.И. Вернадский [2000], который в этом смысле расширительно толковал понятие «жизнь». Кажущаяся чрезмерность многообразия биологических форм – источник эволюции все более усложняющегося функционирования, что в итоге привело к возникновению рефлектирующей материи.

Любопытны дедукции И. Канта о соотношении «механизма» природы (ближайшие причинно-следственные связи) с телеологическим принципом как с всеобщей закономерностью. Возможное соединение этих двух каузальностей заключается, по Канту [1994], в «сверхчувственном субстрате природы» – сущности самой по себе, но известной нам в явлениях. При телеологическом принципе порождения организмов в основу причины их внутренне целесообразной формы можно положить либо окказионализм (взаимодействие души и тела как непосредственное вмешательство Бога), либо престабилизм (учение о «предустановленной гармонии» Лейбница). Точку зрения окказионализма Кант [1994, с. 264] отвергает, так как «природа у нас совершенно теряется, а с ней и всякое использование разума». Престабилизм может действовать двояко: каждый организм, порожденный ему подобным, есть либо эдукт (выделение, извлечение), либо как продукт первого. Система порождений эдуктов, по Канту – система индивидуальной преформации или теории эволюции; система порождений продуктов – система эпигенеза как появления новшеств, она же – система родовой преформации. Очевидно, что первую систему на современном языке можно назвать онтогенезом,

а вторую – филогенезом, один из механизмов которого и сейчас называют эпигенезом.

Понятия «онтогенез» и «филогенез» в биологии имеют отношение к проблеме закономерного (предсказуемого) и случайного. Именно филогенез (история) есть инвариантное повторение онтогенезов, а онтогенез есть материализация памяти о предшествующей истории группы (о филогенезе). В основе их взаимосвязи находится фрактальная целостность биологической процессуальности, а потому важно понять, что индивидуальность онтогенеза, будучи памятью уже случившейся истории, в основном предсказуема («предсказуемость прошлого»), а сущность филогенеза как целостного и очень сложного синергического (нелинейного) процесса в принципе непредсказуема.

С целостностью как понятием многоуровневым, иерархичным можно связывать разную степень предсказуемости, а точнее – разную степень понимания. Так, морфологические параллелизмы обычно объясняются сходством норм реагирования на сходные условия существования, и это оправдано, тем более что точность подобных «предсказаний», особенно по отношению к крупным таксонам, есть, по сути, разумное объяснение уже случившегося. С понятиями «архетипическое многообразие» и «мозаичная эволюция» связано появление мелькнувших (кратковременных) новшеств, которые гораздо позже и в совокупности могут стать диагностическими для новых таксонов. По отношению к крупным таксонам проявления параллелизмов описаны как процессуальные «ации» в самых разных эволюционных стволах [Пономаренко, 2004]: эвкалириотизация, метазоизация, артроподизация, маммализация и др. Подобные процессы я наблюдал и на уровне семейств брахиопод, что сильно затрудняет их систематизацию, даже если следовать принципу не совсем узкой монофилии. Вместе с тем, подобная канализированность биологической процессуальности ограничивает пространство логически возможных морфологических комбинаций, что обуславливает и появление определенных закономерностей (но не законов) эволюции.

Было бы упрощением связывать параллелизмы в эволюции только с приспособлением к чему-то внешнему: скорее имеет место формирование системности более общей, нежели сугубо таксономической [Пономаренко, 2004]. А самая общая целостность (всеединство), которая определяет магистральный телеологический вектор

процессуальности, есть уже некая запредельная информационная напряженность – среда эволюции (Инобытие). Но это уже – метафизическая трансцендентная (ненаучная) сущность.

Если точные науки имеют дело преимущественно с элементарными (линейными, то есть предсказуемыми) процессами, а неточные науки с процессами разной степени сложности (синергичности), касающимися локальных причинно-следственных связей в посюсторонней реальности (вещи и их отношения: например, систематика и филогенетика в биологии), где действуют уже не законы, а закономерности, то в Телеологии, которая находится у контакта с запредельной трансцендентностью и всеобщей целостностью, работает другой принцип: «закономерность случайного» [Кассирер, 2002]. Это можно понимать как принципиальную непредсказуемость процессуальности в ее высшей целостности.

Те цели, которые мы реконструируем в природных процессах и воплощаем, например, в таксономических построениях – цели относительные и частные, можно трактовать, следуя Канту, как имеющие отношение к регулятивному принципу в природе (множество локальных целей), в отличие от принципа конститутивного, где понятие цели «принадлежало бы уже не к рефлектирующей, а определяющей способности суждения» [Кант, 1994, с. 202], то есть было бы априорным. Тогда материальную природу можно рассматривать как антитезис первично идеальной и телеологической цели, а человека в природе как синтез материального и идеального: множество локальных «Я» («локальных богов»), пытающихся преодолеть свою материальную локальность – стремление к точке Омега [Тейяр де Шарден, 2001].

В свете вышеизложенного кратко обсудим две пары понятий: «телеология – телеономия» и «преформация – эпигенез». Все они имеют отношение к иерархии целей, причем «телеология» как понятие, связанное с запредельностью (высшая цель), в советские годы была понятием табуированным, так что даже использование нейтрального термина «телеономия» (целесообразность) нужно было оправдывать как не имеющее отношения к телеологии [Степанов, 1988]. С термином «преформация» связывалось нечто эмпирически выраженное, но совсем непонятное, если оставаться в идеологических рамках материализма. И наконец, «эпигенез» – термин идеологически нейтральный, эмпирически хорошо

обоснованный и имеющий отношение к понятию «естественный отбор». В последние десятилетия эпигенетическая теория эволюции (ЭТЭ) успешно разрабатывалась М.А. Шишкиным, а итог этих работ очень ясно выражен в его последней статье [Шишкин, 2006]. ЭТЭ объясняет телеономическую направленность органической эволюции стремлением к устойчивому состоянию в чередующихся онтогенезах, а наследственность рассматривается продуктом отбора как целостное свойство нормального развития. ЭТЭ – теория, находящаяся в русле дарвинизма, но вместе с тем это некий синтез с ламаркизмом: устойчивость конечных состояний в онтогенезах требует их адаптации к среде (к более общей цельности), что в итоге ведет к фиксации целесообразности в геноме, но не наоборот! В этом ЭТЭ расходится с синтетической теорией эволюции (СТЭ), где генетические мутации – основа действия отбора. Отметим преимущество ЭТЭ над СТЭ с философских позиций: в первой из них идеальность и континуальность отношений первичны к материальности и дискретности генов, а во второй – все наоборот. Для обеих теорий понятия «поле» и «телеология» излишни, но по разным основаниям: для СТЭ причина эволюции приурочена к сугубо материальному (дискретность генов), а в ЭТЭ исходная причина – отношения со средой, то есть причина, идеально выраженная, хотя и очень конъюнктурно локальная (нижний уровень причинности).

Я не думаю, что термин «естественный отбор» следует убрать, заменив его богдановским термином «подбор», исходя из общих соображений системной организации и «цельности мира», как это предлагает Ю.В. Чайковский [2006]. О подборе, как включающем действие, которое исходит «сверху», от системности, говорит и Г.А. Заварзин [2006]. Он вводит понятие «хаэссеитас» (здесь и сейчас), то есть функционирование исключительно в настоящем, а потому вроде бы пригодном как для отбора, так и для подбора. Суть дарвинизма, по Заварзину – развитие «снизу вверх» (от индивида), а суть функционального подхода – развитие «сверху вниз» (от системности). Но есть еще одно важное отличие: подбор имеет отношение исключительно к горизонтальной, пространственно согласованной регуляции в системах (кооперация как сотрудничество), а отбор есть результат конкурентной регуляции функционально сходных особей – регуляции эгоистической и ориентированной вертикально, вдоль временной координаты, хотя и в «сиюми-

нутном» масштабе микроэволюции. В трех понятиях процессуальности, по Заварзину – хаэссеитас, сукцессия и эволюция – критическим является первое, ибо без осуществления настоящего нет осуществления вообще, а эволюция – ряд последовательных состояний хаэссеитас. Отсюда делается заключение, что глобальный эволюционизм нельзя рассматривать как непрерывную линию к совершенству, цель которой человек: ведь состояние хаэссеитас – неподвижность, а наиболее совершенные (независимые от условий) и устойчивые объекты – бактерии. Это соображение напомнило мне, во-первых, о логически безупречных апориях Зенона, суть которых – совмещение континуальности с дискретностью (например, летящая стрела в каждый момент времени неподвижна), а во-вторых, о том, что и физические процессы, как наиболее устойчивые, «вездесущие и вечные» в масштабе Вселенной, нужно было бы считать самыми совершенными. На самом деле, бактериальный мир – это фрактальный аналог физической «процессуальности», где почти ничего не происходит, а время (t) есть четвертая координата пространства; в обоих случаях это фундамент настоящей процессуальности с ее качественно неоднородным (процессуальным) временем, которое телеологически ведет к высшим формам живого.

Естественный отбор – это тактика эволюции, отлаживание конкретной противоречивости на низших и наиболее локальных уровнях биологических систем (видовом и внутривидовом). Это та сиюминутная «эгоистическая самоорганизация» с узко локальными целями и ценностями, которую человек унаследовал от природы. Она соответствует той части его рефлексии, которая направлена на внешнее многообразие. Но человек, если он Личность, способен кроме того и на рефлексии своей внутренней глубины (рефлексия рефлексии) – на осознание иерархии таящихся там смыслов и ценностей. Именно эта его способность имеет отношение к понятию «телеология»; в данном случае, это телеология вторичная – телеология локального «Я» (локального бога) как фрактального аналога исходно единой Телеологии и ее полномочного представителя в процессуальном Бытии. В обоих случаях (Телеология первичная и вторичная) конечная цель одна и та же: завершение высшего этапа процессуальности – преодоление Времени («возвращение блудного сына» к Вечности); это – Телеология в узком смысле. Телеология в широком смысле есть то, что получило в философской и научной

литературе мистическое название «самоорганизация» применительно к системам с горизонтальными (не конкурентными!) связями самой разной природы (не только органической) – то, что имеет отношение к синергии.

«Естественный отбор» – понятие, оправданное научно, а в рамках ЭТЭ – и философски, но оно ограничено низшим (эгоистическим) уровнем организации. «Самоорганизация» и «синергетика» – это междисциплинарная теория горизонтального функционирования (кооперирования), но не теория эволюции; она – лишь горизонтальная составляющая, «эхо» более сложной

информационной напряженности Всеединства. Общенаучной теории, которая с учетом всего разнообразия факторов и связей объясняла бы эволюцию вообще или хотя бы только «морфогенез многоклеточных», не только пока нет [Татаринов, 2007], но и быть не может: это та априорная (внеаучная) «закономерность случайного», сущность мистическая (Инобытие – «вещь в себе»), которая формировала магистраль эволюции от элементарных частиц и физического Космоса до человеческого мозга (фрактального микрокосма). Но это уже – область философии, которую Кант справедливо вывел из рамок науки.

Заключение

Понимание вообще (и в науке) становится в наше время, пожалуй, более важным, чем знания. Два подхода к миропониманию как к двум высшим, трансцендентным сущностям, две переплетающиеся «нити Ариадны» прослеживаются в Западной цивилизации с Античности: 1) линия Пифагора, в которой «вещи есть числа» – структурно-пространственный подход; 2) линия Гераклита, где «все течет», где сущности изменчивы и неуловимы – временной подход. Платон по-македонски «разрубил» это переплетение пополам: у него истинный мир – это идеальный Космос, где царят абсолютная гармония и число, а второй, изменчивый мир – это наша иллюзорная реальность, связанная с чувственной материей.

Наука Нового времени началась с обоснования пифагорейского подхода, где идеальность математики поглотила физическую материальность, а точнее – вещественность, для объяснения которой достаточно диады «число – пространство»; время как создатель здесь почти не работает, и в этом – суть точных, почти процессуальных наук. Их фрактальный аналог в биологии – бактериальный мир. Однако феноменальный мир (мир вещей) по-настоящему процессуален: его Время не сводится к математическому времени (!), оно творило все более усложняющуюся, телеологически направленную процессуальность – реальность нашего мира. Только Лейбниц с его принципом достаточного основания и Кант с его априорной, трансцендентной первотриадой «число – пространство – время» заложили основу высшей целостности миропонимания и процессуальности. Палеонтология изучает сердцевину процессуальности, а психология и нейрология – ее финиш. Гносеология, подобно онтогенезу, повторила онтологию Бытия в последовательностях акме: математика →

точные науки → исторические науки → гуманитарные науки. Исходная идеальность (обратимость) Времени через необратимую процессуальность материального (инертного) может (пока только может) привести к его вторичной идеальности (обратимости). В этой направленности – суть негэнтропии (= информации).

Особенность процессуального вектора состоит в том, что начало Времени (как телеологической целостности) соприкасается с непроцессуальной Вечностью своей рациональной частью (числом), а конец Времени – своей иррациональной частью, отрефлектированной в мировых религиях. Телеологический смысл человека (Личности) – замкнуть Время, вернуть его в Вечность. Наиболее яркой Личностью в этом смысле был Иисус Христос. Слова Августина «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» я бы понимал сейчас как призыв к тому синтезу рационального и иррационального внутри каждого человека, который создает Личность. Это означает призыв к самой широкой социальности и единению на основе любви (аналога континуальности) не только и не столько через политические, государственные и церковные структуры, то есть не столько «сверху вниз» через бытийность и локальность внешнего (рационального) этапа рефлексии («я» и окружающий мир), сколько «снизу вверх» через инобытийность и нелокальность глубинной (иррациональной) рефлексии («я» как переживание содержания своего сознания).

Научное знание – итог рефлексии внешнего многообразия – должно всегда оставаться максимально рациональным; однако большую науку делают те Личности, которые способны к иррациональным состояниям, ибо последние и составляют основу любого творчества, любого телеологического процесса.

Литература

- Вернадский В.И.* Труды по философии естествознания. – М.: Наука, 2000. – 504 с.
- Гайденко П.П.* Время. Длительность, Вечность. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 779 с.
- Гурвич А.Г.* Принципы аналитической биологии и теории клеточных полей. – М.: Наука, 1991. – 288с.
- Девис П.* Суперсила. – М.: Мир, 1989. – 272 с.
- Дриш Г.* Витализм. Его история и система. – М.: URSS, 2007. – 280 с.
- Заварзин Г.А.* Составляет ли эволюция смысл биологии? // Вестн. РАН. – 2006. – Т. 76. – № 6. – С. 522–543.
- Кант И.* Критика способности суждения // *И. Кант.* Сочинения в 8 т. Т. 5. – М.: Чоро, 1994. – 414 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.
- Лазарев С.С.* Онтология точности и прогностичности // *Вопр. филос.* – 2004. – № 1. – С. 126–140.
- Лири Т.* Семь языков бога. – К.: Янус, 2001. – 224 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975. – 776 с.
- Пономаренко А.Г.* Артроподизация и ее экологические последствия // *Экосистемные перестройки и эволюция биосферы.* Вып. 6. – М.: ПИН РАН, 2004. – С. 7–22.
- Степанов Д.Л.* Развитие основных идей палеонтологии // *Современная палеонтология.* Т. 1. – М.: Недра, 1988. – 540 с.
- Татаринов Л.П.* Молекулярная генетика и эпигенетика в механизмах морфогенеза // *Журн. общей биол.* – 2007. – Т. 68. – № 3. – С. 165–169.
- Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 232 с.
- Чайковский Ю.В.* Наука о развитии жизни. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2006. – 712 с.
- Шишкин М.А.* Индивидуальное развитие и уроки эволюционизма // *Онтогенез.* – 2006. – Т. 34. – № 3. – С. 179–198.